То, что нельзя называть

Евгений К.

Евгений Керч

То, что нельзя называть

https://litres.ru/73834796
SelfPub; 2026

Аннотация

Вы когда-нибудь задавались вопросом, а что же может случиться с человеком, если нет у него никого, кто бы смог его выслушать, понять, направить на путь истинный? Здесь находятся две истории, которые сам расскажут о семейной несправедливости в разной степени и с разных ракурсов, покажут психологию "белых ворон", доведённую до её логического финала, расскажут о последствиях некоторых действий со стороны "власти" в семье, а также расскажут необычные истории, которые, может, были и у вас. Удачи!

Евгений Керч
То, что нельзя называть

То, что нельзя называть

Время остановилось, и когда-то всё же заведётся вновь. Но судьба позволяет увидеть это не всем.

Путь самурая:
ритуал пяти смертей

Ultra vires hominis.

Смерть 1

Перед глазами всплыла обычная семья. Совсем ничего особенного: мама, папа да ребенок лет шести. Мальчик воспитывался в довольно жесткой среде: нужно было каждый день где-нибудь как-нибудь помогать, всё время изучать какие-то книжонки, а за малейшую оплошность - или строгий взгляд отца, из-за которого ты словно проваливался под землю за свои грехи, или пара-тройка ударов чем-нибудь, что попадётся под руку, а, поверьте, всегда было то, что попадалось под руку, или, в очень крайних случаях, посиделки в углу, которые иногда сопровождались лучшим другом любо-

го ребенка - некрупным, высушенным жестким горохом. На улицу ходить запретили после того, как случайно он ударил другого мальчика, который притаился за его спиной, желая от души напугать своего «друга».

Признаться, и отношения были не очень хорошие с людьми, в том числе с детьми: разговаривать ни с кем не хотелось, а когда он садился играть, то делал что-то умное, необычное для своего возраста. Он что-то изобретал буквально из подручных средств, которых и так не было. Делал из воздуха материю! Учился не по годам, успев пройти к этому времени программу до уровня средней школы.

Конечно, одиночество и строгие посиделки в темном, страшном, неумолимом карцере дома сыграли свою необычную роль: возле него все время был сородич, что, как и он, не дружил ни с кем и был умен не по годам. Вместе они строили разные башни, чертили их объемные рисунки в разных цветах, просто веселились, но по меркам необычных детей.

Всё переменилось буквально через небольшой период, когда пришла пора наведаться в это душное, серое здание под названием «школа». От одних этих букв при входе любого сражал мороз, негодование, гнев, страх - хоть что-то, что заставляло ненавидеть такие заведения на уровне подсознания. Вечно серые дни, вечно серые стены, вечно скучные уроки, что тянулись дольше в самый неподходящий момент, и, конечно, туман, что словно родом из Англии времен самого его расцвета.

Не сколько из-за мороза, столько из-за ненависти к свету, к «лицам», к умным детям, что не могут решить простейший пример из углубленной программы, - к миру в целом он одевался, словно укутываясь в свой тёплый, милый, родной, но портативный мирок, отбиваясь от атак и напастей страшных чудищ из российской мифологии. «Этот город безукоризненно…» - плавала от уха до уха бесконечная цитата. «Ведь нельзя же подобрать конечное число эпитетов к тому, что вызывает столько иррационального - столько чувств, эмоций, воспоминаний, переживаний в конце концов!» - каждый раз, словно мантра получалось в голове спустя кучу формул, размышлений и собственных законов. «И ведь, кажется, что же может быть хуже? Куда хуже? Мне кажется, уже дно. Не социальное, биологическое. А просто, дно. Вечное, темное, давящее… нечто».

Но очень скоро родилась девочка. И вот тогда общение прекратилось вовсе, семейные посиделки превратились в успокоение младшенькой, что неимоверно громко и нескончаемо кричала каждую секунду. А единственные моменты, когда можно было смотреть на родителей, пытаясь вести хоть какой диалог, жгли глаза: вечные убаюкивания, укачивания, сюсюканья, убегающая ласка матери, что стремится от большего к меньшему, и пренебрежительное отношение к маленькому школьнику во время важных разговоров прямо говорили, что здесь ему не место, ему не рады тут, он мешает и не нужен вовсе. Только лучший друг всегда выручал, кото-

рый в нужную секунду был рядом, словно слышит зов и прибегает из самого дальнего конца планеты со скоростью света. Любые расспросы о его личной жизни быстро утекали, подбивая вместо себя очередные чертежи, формулы и законы.

Из-за того, что он учился по чужим заповедям - жестким заповедям родителей, подразумевавших только идеальные знания, максимальные знания, идеальные оценки - он не мог по-другому учиться. Сызмала он старался готовится к чему-то жесткому, жестокому, больному в социуме. Но, к сожалению, это было даже не пророчество, а приговор. Вечно свободное место рядом, постоянные вопросы о дополнительных заданиях, нескончаемые шептания за спиной.

Сидя на первой парте, он чувствовал, как каждую точку его спины колют чужие взгляды, а шорохи и вечная возня на переменах хоть и не доводили до панических атак, но явно всем весом давили на душу. Помогала только музыка: однажды, на день рождения за «боевые отличия» по дому родители подарили мальчику наушники и плеер, предварительно установив туда тысячу и одно произведение великих классиков мировой культуры. Бах, Моцарт, Чайковский, Бетховен - почти весь мир был заточен в одной маленькой коробочке. Включив музыку на полную, сев на жесткую скамейку, придвинув ее поближе к подоконнику, он начинал делать уроки на другие дни, заранее. Каждую перемену проводил не за глупой беготней, а горбатившись над очередной порцией тетрадок, что еще сильнее нагружали и без того хлип-

кую спину.

Однажды, где-то в средней школе, он заприметил очень обидную, некрасивую и омерзительную фотографию - одноклассники постарались исподтишка. Другие глумились над фотографией, специально разговаривая рядом с объектом своего обожания. Не раз он обращался к классному руководителю - не помогло, лишь крепче стала почва для издевательств. Тогда пришлось перебороть собственный страх, который рос в геометрической прогрессии перед родителями. Те незамедлительно нашли телефон школы, выставили за дверь беднягу, а после еще долго были слышны крики, ругань, угрозы - всё, что должно быть в подобных ситуациях.

Но только глупец поверит, что так просто закончится. После уроков с ним жестко поговорили его одноклассники, выкинули подальше в снег сменку, изваляли и самого беднягу. Придя домой, опекуны только и смогли, что отругать за неряшливый вид. Оправдываясь неадекватным поведением своих сожителей в классе, он надеялся, что родители «добьют» их уже, приставят к стенке. Но, поинтересовавшись у учителя, какова же была ситуация в классе, они узнали, что все хорошо. Из-за этого пришлось лишний час учить уроки на коленях в уголке.

В старшей школе собрали новый класс, где, как предполагалось, должна быть элита школы, самые умные. Но и тут-то кроется ошибка в бессмысленных надеждах разума: школьники-то, в основном, те же, даже троечники тут как тут.

Только взяли несколько новых ребят, из которых мальчики быстро влились в коллектив, уподобляясь «старикам», а девочки…

Из девочек пришла только одна, кроткая, но чертовски умная, хитрая, проворная. Такой ловкости рук на уроках могли бы позавидовать многие писатели или рукодельницы. Что уж говорить, и лицом она вышла, и внешностью. И, как подобает любому подростку в таком возрасте, наш объект всеобщего презрения влюбился в новенькую.

Постепенно-постепенно он начал проявлять знаки внимания: то на уроке подсядет, то спросит чего-нибудь по теме, то подойдет на перемене обсудить контрольную. И так постепенно он перестал быть отшельником, хоть и общался только с ней. Познав это, родители решили каждый день сажать его, уже немаленького человека на твердый горох с гречкой, желая вразумить и отстранить от такого бессмысленного и опасного момента жизни, как любовь, что способна лишь помешать учебе и построению карьеры. Но эти ночные посиделки нисколько не влияли на юношу, ведь он словно магнитом тянулся к той, что впервые его увидела. Что заметила его среди толпы, ответила на его зов и даже решилась говорить и разговаривать на равных, невзирая на репутацию и необычность поведения.

Эти осенние дни пролетали мгновенно, хоть и казалось, что вся предыдущая жизнь состояла только из этого времени года, потому всегда хотелось побыстрее заснуть, чтоб быст-

рее начать новый день и быстрее начать с общение с ней. Однажды, подобрав момент, он решился. Решился рассказать о том, что ощущает, хоть и сам не разбирает, что именно ощущает. «Знаешь, очень… необычно. Я не могу тебе сказать, что это, ведь мне не признавались в подобном. Но одно я могу сказать точно: извини, но нет. Знаешь, эти «вечные» (она сделала акцент на этом слове) отношения у всех на виду, когда все будут обсуждать именно тебя — всё это меня не воодушевляет. Не знаю как ты, но мне противно было бы сидеть дальше в этом классе, стараясь учиться, но слыша и понимая, что являешься объектом чьей-то насмешки. По крайней мере, не сейчас, когда мы в одном классе. Если бы мы были в параллельных, но все равно там тоже видно. Я просто оставлю эту дверь приоткрытой для будущего» — вот почти полная фраза, полученная в ответ.

По очень странным причинам это означало лишь одно: прекратить общение вовсе, не приставать и не докапываться, хоть вроде старался такого избегать, вообще перестать что-либо делать в этом направлении. Попытавшись однажды изложить в стихотворной форме свое мнение об этом затишье, непонятной ноте и тайном беспочвенном презрении, он получил лишь странное сообщение, которое для него и было оправдано его же желаниями, но не было понятно его происхождение. «Я не могу стать твоим спасителем или кем-либо в таком роде. Советую тебе сделать упор на учёбе и не приставать к людям с подобными предложениями. Я не хочу

быть твоим героем, что спасет тебя от тьмы, одиночества и всего прочего» - язвительное сообщение еще долго мелькало в голове.

Поверив родителям, что те смогут помочь с одноклассниками, он получил лишь внеочередную дозу презрений, насмешек и едких фраз. Поверив той юной, красивой, умной девушке, что помогла ненадолго вздохнуть, оправиться от вакуума одиночества, он перекрыл сам себе же кислород с ней. Да так, что еще сам оказался не только в дураках, но и дураком по жизни, что напрасно надеется на что-то, не умеет слушать, слышать и понимать других людей. Поверив в адекватность новых одноклассников, он захотел с ними поладить, но это, конечно, было невозможно. Единственный логичный вывод, который здесь можно было сделать, - люди не умеют жить в гармонии. Всегда нужно кого-то обмануть, предать, обхитрить, где-то слукавить, недоговорить. И некогда исчезнувший сородич из потаенного темного уголка в доме опять объявился, перегородив своим телом любое общение с людьми.

Смерть 2

Но, несмотря на всю трагичность буквально каждого мгновения его жизни, были и счастливые моменты: каждые выходные проводились по-разному, но с пользой для дома или с весельем. Ни один день, свободный от бремени сухих серых будней, не обходился без хохота за совместной на-

стольной игрой, без тяжёлой, изнуряющей работы по дому или участку, без громкой компании взрослых, но донельзя пьяных людей. Да, в те моменты отчасти было счастье из-за свободы от всего обычного, привычного, надоевшего. Но у этого счастья послевкусие премерзкое: посуду помой, за гостями убери, сам не шуми, спать не мешай, так ещё и от нашего плохого утреннего настроения огребай.

Поэтому он ещё больше погружался в учёбу. Чтоб вылезти из этого смрада, перейти врата этого Ада, закрыть их на ключ и выбросить его в болото. Благородная цель. Но одним зимним вечером он посмотрел на объём работы, что делает каждый день, представил хоть ближайшее будущее и…

Ничего не увидел. Несмотря на кучу полезных навыков, знаний, умений, он не видел ни одной ветви развития его как личности. Хоть и хотел учиться точным наукам, что со времён средней школы у него получались, но банально не понимал, куда поступит, что уж там говорить о факультете или тем более будущей работы.

С этим вопросом он обратился к родителям. Те лишь указали точное направление, по которому изначально хотели послать своего первенца.

Но вопрос-то не решился, как и вопрос с одноклассниками: эти жертвы неправильного распределения серого вещества по индивидам даже и не думали заканчивать свою работу, ведь она у них получалась лучше всего, а также приносила море удовольствия даже при отсутствии какой-либо ре-

акции. Страсти накалялись, нервы потихоньку сдавали, даже верный друг не помогал.

Однажды, как обычно, прогуливаясь по школе, мотаясь от одной серой и обшарпанной стенки к другой, он заприметил некогда не выделяющуюся табличку с надписью «школьный психолог». Решил обратиться. Терапия проходила странно, в том числе из-за постоянного утешения этого странного, явно одинокого человека лет сорока с очками, где глаза, которые и так бегали, особенно при даже небольшом стрессе, становились больше раза в четыре. Он с уверенностью говорил о том, что поможет, пройдёт с ним этот путь решения проблемы, устранит её. На деле слова были лишь простым утешением, а часы сеансов всё накапливались и накапливались…

В силу этих событий он микроскопическими шагами начал отступать от учёбы, разрывать удушающие объятия с знаниями в пользу мышления, раздумывания, обдумывания. Каждый день начинался с описания пейзажа, что, впрочем, был абсолютно одинаковым за исключением небольших изменений из-за смены времён года, которые к тому времени уже были размазаны по календарю без чёткого разделения на этапы. Потом шло гнетущее наставление родителей по поводу рабочего дня, который был больше похож на один день жизни раба из многовековой истории. Далее по накатанной: долгая, тяжёлая, холодная дорога до школы, не менее холодные, отчасти пустые и бесполезные уроки, и обратный поход восвояси, сопровождавшийся кучей дополнительных за-

даний в виде походов в магазины, выгулов животных, уборки за ними и выдачи чёткого отчёта прошедших девяти часов. И в конце концов беспамятство за уроками – круг замкнулся, цикл продолжился.

Жуткая картина, не правда ли? Знакомая и оттого ещё более страшная, реалистичная. Туманный Альбион установил тоталитаризм в жизни и внедрил свои законы скуки, лени и апатии. А вместе с ними пришла тревожность, недосып, пока слабое отставание от образования, хоть и без видимых признаков. А уже эта куча приветов отголоска цифровизации и цифровой аутизации затмила все дороги вперёд, оставив лишь старые способы, которые работали лишь когда-то, в прошлом. Мир поменялся, люди тоже, но в худшую сторону: наглость, напыщенность, обострённое чувство важности и превосходства, общая неадекватность, отсутствие уважения, принципов, уважения к чьим-либо принципам. «Не мы такие, жизнь такая», - единственное, но нерабочее оправдание их образа жизни, сведённого к биологическому минимуму без какого-либо мышления. А ведь через пару лет они будут врачами, электриками, инженерами – работниками…

Смерть 3

Следующее утро началось как-то странно. Я даже не мог понять, что именно меня смущало. За окном всё так же царила ночь. Мой друг, чьё имя давно в моей памяти скрылось за простым словом «брат», стоял рядом. У нас завязал-

ся необычный диалог.

- Ты как? Я заметил, что вчера ты был особенно тихим и молчаливым, - начал названный родственник.

- Знаешь, что-то меня смущает. То ли чуйка сработала на какое-то предстоящее событие, то ли сознание, наконец, включилось. Не знаю. А ты чего так рано? До этого тебя вообще трудно было выудить даже на банальную встречу.

- Да так, решил поддержать. Пора бы вставать, а то в твою любимую школу опоздаешь. Ты же не хочешь потом от учителей и родителей огребать?

- Аргумент. Мотивацию прям поднимает, — с ноткой иронии и нежелания вставать произнёс я и пошёл умываться.

Дальше словно кто-то включил перемотку на плеере, желая пропустить нелюбимые песни: почти через секунду я очутился в коридоре школы, хоть и понимал, что успел дойти до неё, зайти внутрь и переодеться.

- И давно ты, как и я, ненавидишь школу и здешний контингент, трудяга? – начал я, когда вышел из очередного обычного утреннего эмоционального запоя.

- Да примерно тогда же, когда и ты. Сам же знаешь, какого это. Какого жить среди таких бездарей и даунов по сравнению с нами. Я прав, коллега?

- Несомненно. Интересно, с кого это пошло? Есть ли основоположник мирового отупения, забивания и несерьёзности? Причём даже учителя заразились этим, когда устали бороться с нами на уроках…

- Вернее, не с нами, а с *этими*?

- Да, ты прав. *Эти* составляют всю картину, аж приходится иногда отождествлять нас и *их*, - последняя фраза была произнесена с сильным отвращением и усмешкой.

- С кем разговариваешь, шизик? – послышалось с тёмного угла пока пустого коридора. – Что, друзей нет, чтобы пообсуждать великие вопросы жизни?

- А у тебя их настолько много, что не можешь пообсуждать *нормальные* вопросы?

- Так его, молодец! Нечего на нас огрызаться, - услышал я с той стороны, где некогда стоял мой брат.

- Давно зубки-то прорезались, хищник? Ха, поумнее ничего не придумал? – сказал хулиган, проходя именно там, где, по моим ощущениям, стоял мой спутник.

- Поосторожнее нельзя? Слепой что ли, людей перед собой не видишь? – Огрызнулся я в ответ, увидев лежащего на полу бедолагу.

- Нет, ты точно псих! Каких людей? Мы одни тут. Ну тебя к чёрту, мало ли заразно, - выпалил мой «лучший друг», удаляясь восвояси, в пустоту.

- А ну-ка, подойди и извинись! Ты человека сбил, придурок слепошарый!

- Какого? Тебе доказать, что тут никого нет? – с ехидной улыбкой сказал толстый обидчик, доставая из кармана складной нож с красивой гравировкой на лезвии. – Смотри, если тут есть какой-нибудь чудак, которого я якобы сбил, то

он упадёт ещё раз от моего удара.

Он начал беспорядочно водить лезвием в поразительной близости от моего друга.

- Отойди от него, видишь, он же *псих*! Ещё порежет и глазом не моргнёт! – выкрикнул я ему.

И в ту же секунду белая рубашка слегка покраснела. Я буквально увидел, будто чёрно-белое кино резко превратилось в цветное в рамках одного человека. Лезвие зашло аккурат в правый бок. Глаза мои слегка поплыли, когда увидели помутневшие глаза моего брата, исторгавшие океаны сожаления.

- Брысь отсюда, маньячело! Совсем с катушек съехал?! Кто тебя вообще пустил в этот великий храм науки с гребаным ножом?! – крикнул я, бросаясь на пол, чтобы помочь пострадавшему.

- М-да, да ну тебя. Зачем вообще начал с психом разговаривать…

Рубашка багровела, мне казалось, со скоростью света. Ноги потеряли всякий вес, руки пробирал неимоверный тремор, глаза переставали различать какие-либо детали, словно кто-то специально выкрутил на минимум мою способность видеть весь происходящий ужас. Приказав зажать рану, я ринулся в медицинский кабинет. Как назло, перед этим я проходился по четвёртому этажу, когда кабинет был на первом. Почти на каждой ступеньке спотыкался и иногда даже падал. Приходилось из почти лежачего положения стартовать, за-

ново набирая скорость. Пульс ощущался в любую секунду настолько чётко, что я думал, что вены на лбу лопнут.

Почти выламывая дверь, я пытался её открыть – никого внутри не было. Стал осматриваться – мало ли кто-то пришёл так же рано. Есть! Из одного кабинета бил в лицо яркий неприятный жёлтый цвет.

- Помогите, пожалуйста! Там один ученик ударил ножом другого! Второй сейчас лежит весь в крови, я помочь ему не могу! – пытаясь развеять туман в голове, почти истерическим голосом выстрелил я.

- Где?! Скорее показывай мне дорогу!

Вместе мы пробежали все этажи за считанные секунды.

- Там, дальше, за углом. В коридоре я и этот паренёк столкнулись с каким-то спятившим учеником с ножом. Этот хулиган сбил моего друга с ног, я попросил извиниться, а тот ни с того ни с сего стал махать ножом возле нас и попал моему другу в район печени. Быстрее, пожалуйста!

Вот уже оставалось несколько метров. Забежав за угол…

Мы не увидели никого. Абсолютную пустоту. Ни-че-го.

— Это шутка какая-то?! Я не поняла?! Ты меня, старую женщину, заставил бежать быстрее пули по лестнице ради собственной хохмы?! Щенок!

- Вы не видите это пятно крови? Приглядитесь получше к тому месту, - сказал с недоумением и страхом я, указывая чётко на то место, где недавно лежал *он*.

- Нет там никакой крови! Прекрати эту нелепую шутку! Я

подниму этот вопрос на педсовете! Я добьюсь твоего отчисления и не посмотрю на твою успеваемость! – учитель был в ярости.

- Но как же, за что? Посмотрите! Вон там он лежал! Может, мы слишком долго шли, и он решил сам дойти? Мы же пошли в обход зачем-то, по другой лестнице! – меня переполняла ненависть к учителю за её слепоту и несправедливость!

- Я сейчас же позвоню твоим родителям. Пусть они общаются с директором, где мы их и будем ждать. Пшёл в кабинет!

Я не понимал, что происходит. Почему того наглеца, которого я прекрасно знал и с самого начала назвал, не найдут, не обыщут? Пришлось ждать своей участи в очередном душном, но уже ухоженном и красивом кабинете, который был пыточной камерой для непослушных. Книжные шкафы, уставленные доверху разнообразными книгами, пытались создавать эффект важности обладателя этих хором. Ждали мы мучительно долго. Это можно было понять по двум сверлящим взглядам: директора, что ежесекундно обращался к позолоченным наручным часам на левой руке, и учителя, чью бедную душонку я потревожил своим объявлением.

Когда за окном из темноты потихоньку начали выныривать серые панельные дома, а снежинки начали превращаться в неслабый снегопад, в кабинет ворвались две фигуры:

разъярённый отец и не менее разъярённая мать. По их лицам можно было прочитать лишь то, что сладко не будет. Примерно так выглядят судьи, что недовольны подсудимыми и которых тянет блевать только от вида этих жалких отбросов общества.

- С тобой поговорим после. А что до вас, товарищ директор… - начал отец, распилив взглядом весь кабинет и содержащихся в нём людей.

- Послушайте-с! Разве можно меня, высококвалифицированного и прекрасного человека с многолетним стажем в чем-то обвинять? – он разговаривал на старый манер, пытаясь довольно неудачно пародировать интеллигентов девятнадцатого века.

- Да, конечно, я всё понимаю. Мы недоглядели, мы недосмотрели и всё в таком духе. Одно могу сказать точно: здесь наш сын больше учиться не будет.

- Понимаю вас. Можете забирать ребёнка, конфликт, надеюсь был исчерпан. Да, наш уважаемый учитель? Мальчик же извиняется за свою проделку и обещается больше нас не волновать своим присутствием? – с ехидной ухмылкой произнёс толстенький бородатый невысокий мужичок лет сорока, развалившись на роскошном чёрном кресле с позолоченной отстрочкой.

- Конечно, мы претензий к школе не имеем. Не надеюсь на ближайшую встречу, товарищи, - сказал отец, забирая меня и мать и закрывая за нами дверь с обратной стороны.

- Дома ты ответишь за этот позор, что ты тут учудил. Теперь будешь сам каждый день усердно учиться. А если не будешь, то мы приставим к тебе самых сильных в плане учёбы и строгих в плане воспитания учителей. Ты меня понял, шкет?..

Смерть 4

Горох этой ночью подбирали с особым пристрастием. Но, почему-то не заметил этого старания. Впустую потраченное время. Наоборот, кажется, что они делали это спустя рукава: колени не болели. Да и всё тело потеряло всякий вес в любом положении. Пытался браться за учебники – они подлетали к потолку, словно их сдуло какой-то неведомой взрывной волной. Пробовал читать с потолка – буквы бежали прочь.

Следующий день продлился ни утомительно, ни быстро, ни медленно. Никак. Посиделки в карцере с кучей иссушенной крупы не представляли собой ничего особенного. Мрачность стен варьировалась от нуля до абсолютного нуля. Лица родителей плавали вместе с их настроением. Младшую я не видел давно. Может, учится. Может, по клубам ходит. Может, сбежала давно. Не знаю.

Перо, которым теперь приходится писать вместо удобной шариковой ручки, резало некогда белый лист за считанные секунды, вырисовывая силуэты великих формул и открытий прошлого, словно обладала собственной памятью.

Книги переворачивались сами собой, будто я владел теле-

кинезом. Буквы уже не разбегались в разные стороны, а, вооружаясь частями собственного тела, медленно шли войной на глаза.

Утро наступило также незаметно, как наступил день, спрятав у себя за пазухой младшего брата. Вечер, казалось бы, заканчивал эту цепь царских переворотов, но спустя жалкие несколько часов на него вновь шли, вооружаясь некогда обжигающими, а иногда леденящими стрелами-лучами.

Учёба шла размеренно, без обыденных для того класса, для *mex* анархии и безнаказанности. Один великий ум сменял другой, не привнося, в общем, ничего нового. Знания, вроде, должны были менять ситуацию, улучшать человека, но оказалось, что разница даже с началом года была невесомой, что ей почти можно было пренебречь.

При всём этом, что-то всё-таки оставалось постоянным – пейзаж за окном. Вечное, никого не щадящее преступление природы и не думало о временной отставке. А её прихвостни, что всецело поддерживали эту идеологию «белых», падали с неба, выполняя свой долг перед Родиной, выкладываясь на все сто.

Было время, когда тело могло так же выкладываться на сто процентов, а мозг умел включать двухсотпроцентный режим, переходя в другую вселенную, в другое измерение. Если чутка углубиться в это состояние, то можно увидеть кипение серого вещества, фильтрацию сигналов, их сверхзву-

ковую скорость, а в итоге – идеальный ответ, требующий великого мыслительного процесса.

А теперь всё по-другому. Всё просто, быстро и безболезненно. Вроде мучительное ожидание в целых пятнадцать минут позволяет узреть пред своим крыльцом прекраснейшего человека из сферы обслуживания, что спал и видел, как бы доехать до этого прекрасного человека, что незамедлительно захотел есть, но не захотел прикладывать усилия большие, чем пара нажатий по кнопкам.

Вечная мерзлота перебралась из Сибири сюда. Нас ограждало только тонюсенькое, трёхслойное окно. Но, выйдя на улицу, не замечаю ничего того, о чём так яростно кричали в прогнозах. Хотя те, кто возвращались оттуда же, говорили примерно то же, что и диктор с утра.

Совместное времяпрепровождение сошло на нет. Сначала из-за сильной загруженности каждого члена нашей общины, а после – просто так. Перестали нравиться и посиделки, и походы, и пиры, и гости, и мы сами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.